

Научная жизнь

Academic Life

DOI: 10.31857/S020596060020608-0

«БОНИФАТИЙ МИХАЙЛОВИЧ КЕДРОВ В ДИСЦИПЛИНАРНОМ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ»: 47-е ЗАСЕДАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СЕМИНАРА «РУССКАЯ МЫСЛЬ И ПОЛИТИКА»

МАКАРЕНКО Виктор Павлович — Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук; Россия, 344000, Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., д. 116; E-mail: vpmakar1985@gmail.com

ТУПАЕВ Андрей Васильевич — Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук; Россия, 344000, Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., д. 116; E-mail: bio-412@yandex.ru

10 декабря 2021 г. в Южном федеральном университете состоялось 47-е заседание Всероссийского онлайн-семинара «Русская мысль и политика». Оно было приурочено ко дню рождения академика Б. М. Кедрова и посвящено его памяти. Руководитель семинара В. П. Макаренко отметил, что в 2010 г. вышел в свет 21-й том издания «Философия России второй половины XX века»¹. Эта серия может рассматриваться как основание современной парадигмы анализа жизни и мысли тех отечественных философов, кто и в советские времена стремился не только сохранить ясность ума, но и культивировать свободомыслие. Одним из этих избранных был Бонифатий Михайлович Кедров.

Руководитель серии и редактор тома академик РАН В. А. Лекторский (Институт философии РАН) дал общую характеристику деятельности Кедрова в сферах теории и методологии, организации науки и нравственно-политического поведения. Ученый, будучи убежденным марксистом, не принимал многие явления и события советской политики, идеологии, социальной практики. Уже в 1948 г. он поддерживал новые идеи в сферах биологии, физики, взаимодействия русской и западноевропейской философии. Одним из первых Кедров подверг критике лысенкоизм и доклад Н. С. Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС. Возглавлявшийся Кедровым с 1962 по 1972 г. ИИЕТ АН СССР стал одним из центров развития философии, поскольку здесь ему удалось собрать коллектив выдающихся

¹ Бонифатий Михайлович Кедров / Ред. В. А. Лекторский. М.: РОССПЭН, 2010.

специалистов по истории естествознания и философии. В период директорства в Институте философии АН СССР Кедров пытался выгнать бездарей и демагогов (обычно эти качества в советской философии совпадали) и взять на работу талантливых людей. Реализовать этот замысел ему не дали. Вся жизнь ученого была цепью идеологических проработок, партийных взысканий, снятий с работы, попыток исключения из КПСС. В то же время он был счастливым человеком, каждый день которого был наполнен глубоким смыслом.

Сегодня идеи Кедрова живут самостоятельной жизнью, переосмысливаются в новом контексте, порождают новые идеи и подходы. Он оставил нам не только теоретическое наследие, но и урок яркой жизни, посвященной служению истине, задал эталон поведения ученого и человека, был интеллектуальным и моральным авторитетом, без которых культура погибает.

В выступлении И. С. Дмитриева (РГПУ им. А. И. Герцена) была поставлена проблема строгого описания когнитивных установок и нравственно-политических принципов Кедрова как историка химии. В личном общении Бонифатий Михайлович декларировал принцип КВД (куда ветер дует). В историко-химических трудах ученого Дмитриев выделил два направления: исследование атомистики Дж. Дальтона и история открытия Д. И. Менделеевым периодического закона (ПЗ). С ними связаны четыре свойства историко-научного стиля Кедрова: анализ времени создания теории; связь историко-научного и философско-методологического аспектов

конкретных событий в истории научного поиска; пренебрежение историографией вопроса; специфическая манера полемики с конкретными авторами, которая воспроизводит их концепции, но включает риторику «диалектического материализма». Поэтому все историко-научные реконструкции Бонифатия Михайловича не могут быть признаны оригинальными и являются спорными.

Следуя своему принципу КВД, Кедров под влиянием идеологических кампаний борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и с «безродным космополитизмом» в послевоенное время менял тематику исследований по истории химии. В менделеевском цикле работ указанные выше характерные черты научного стиля Кедрова проявились с особой силой. Кропотливый пуантилизм Бонифатия Михайловича произвел на его коллег неизгладимое впечатление отчасти благодаря тому, что никто из них (за исключением двух-трех историков) даже не пытался вникнуть в суть его книги, посвященной истории открытия ПЗ. При жизни академика советские историки химии не решались открыто выступать с серьезным анализом его работ менделеевского цикла, предпочитая в своих трудах по истории открытия ПЗ либо следовать его версии², либо обращаться к тем аспектам истории учения о периодичности, которых он не касался³.

² Добротин Р. Б., Карпило Н. Г., Керова Л. С., Трифонов Д. Н. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева / Отв. ред. А. В. Сторонкин. Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1984.

³ Макареня А. А. Д. И. Менделеев и физико-химические науки (опыт научной биографии Д. И. Менделеева). 2-е изд. М.: Атомиздат, 1982 (1-е изд. — 1972 г.).

Версия Кедрова истории открытия ПЗ в силу определенных причин заняла прочные позиции не только в России, но и за ее пределами.

И все же среди историков химии (труды А. А. Макаренки и Д. Н. Трифонова) постепенно укрепилось мнение: реконструкция открытия ПЗ, предложенная Кедровым, не просто небезупречна в деталях, но порочна в самой своей основе. Главный ее недостаток состоит не в том, что весь процесс открытия был спрессован в один день и решающим событием оказался инсайт во время дневного сна. Хуже другое, открытие ПЗ было представлено Кедровым не как результат напряженной работы химической (точнее, физико-химической) мысли, но как следствие удачного размещения карточек, на которых были выписаны атомные веса химических элементов. Вместо глубокого анализа драмы идей Кедров предложил нарратив об удачно сошедшемся «химическом пасьянсе».

Дмитриев отметил и другие недостатки версии Кедрова. Жанр «микроанатомии» научного открытия — один из труднейших сюжетов в истории науки. Обращение к нему не всегда оправдано. Сама постановка вопроса о детальной, расписанной по дням и часам реконструкции того или иного события или же последовательности записей в документе (типа сохранившихся черновиков Менделеева) и особенно реконструкция мотиваций, стоящих за каждой записью, разумна лишь при наличии куда большего числа архивных документов и достоверных свидетельств, нежели это имеет место в случае открытия ПЗ. Даже в самых благоприятных обстоятельствах выводы историка неизбежно будут

основываться на том, что Р. Бойль называл *concurrence of probabilities*. Вся реконструкция открытия ПЗ Кедровым обесценивается по причине (как говорил Менделеев), «гадательности и шаткости предположений», на коих она построена.

Между тем в распоряжении Бонифатия Михайловича был богатый источник — первые три выпуска первого издания «Основ химии». Его изучение могло бы выявить направления и концептуальный багаж мысли Менделеева. Однако собственно химические аспекты этой истории не были рассмотрены Кедровым с должным вниманием — ему не хватило чисто химических познаний⁴.

Следующий недостаток историко-научных работ Кедрова, по мнению Дмитриева, — крайне необъективная и предвзятая позиция в вопросе анализа приоритетной полемики и вклада иностранных ученых в создание Периодической системы элементов, если эти ученые не занимали сервильную позицию по отношению к Менделееву. Поэтому Кедров сочувственно относился к Б. Браунеру⁵, в П. Лекоке де Буабодране, открывшем в 1875 г. предсказанный Менделеевым галлий, видел лишь эмпирика, а работы Л. Мейера по классификации химических элементов описывал в акриловых тонах. Более того, Бонифатий Михайлович не имел склонности цитировать работы коллег, на результаты которых опирался.

⁴ См. подробнее: Дмитриев И. С. Человек эпохи перемен. Очерки о Д. И. Менделееве и его времени. СПб.: Химиздат, 2004.

⁵ Кедров Б. М., Ченцова Т. Н. Браунер — сподвижник Менделеева: к столетию со дня рождения. М.: Изд-во АН СССР, 1955

Выводы Дмитриева таковы: как историк химии Кедров заслуживает глубокого признания за проделанную им работу по изучению первоисточников по истории открытия ПЗ. Он привлек внимание отечественных химиков к одной из важнейших страниц истории науки — созданию Джоном Дальтоном атомистической теории. Следует поставить в заслугу ученому его умение соединять историко-научный и философский анализ (здесь важно не то, какие философские концепции он использовал, но сам факт указанного синтеза). Поражает и сила исторического воображения Кедрова, даже если признать, что оно нередко шло в ущерб обоснованности его суждений. Заслуга Бонифатия Михайловича состоит в том, что он ввел в научный оборот ряд ценнейших архивных документов, предложив их систематизацию и анализ. Но его анализ истории открытия ПЗ страдает умозрительностью и произвольностью заключений, несоответствием замысла использовавшимся архивным и печатным ресурсам. Истоки недостатков историко-научных работ ученого Дмитриев усматривает в контексте эпохи, перипетиях жизненного пути и выборе ученым исходного жизненного принципа.

В начале своего выступления С. С. Илизаров (ИИЕТ РАН) вычленил два этапа в истории развития ИИЕТ АН СССР: руководство Н. А. Фигуровского (1947–1961) и эпоха Б. М. Кедрова — С. Р. Микулинского (1962–1986). Он обратил внимание на то, что исследованию творчества Микулинского посвящено мало работ, его имя практически утрачено для философского и историко-научного сообщества России.

Для разбора взаимоотношений Кедрова и Микулинского, доказательства тезиса о формировании эпохи, нужно детально синхронизировать биографии обоих ученых, вписав их в контекст истории института, науки и государства.

Начиная с 1962 г. ИИЕТ АН СССР претерпел кардинальные изменения — начала формироваться его новая структура, что свидетельствовало о завершении кризиса, начавшегося в 1953 г. Был устранен дисбаланс числа секторов отраслей техники, начали образовываться принципиально новые подразделения. Перестройка института отражала глубинные преобразования в подходах к исследованиям истории науки. Темы, которые не могли разрабатываться в философии или истории, в замуфлированном виде развивались в отечественном науковедении. Этому способствовало и то, что институт долгие годы был местом «ссылки» для ученых из других учреждений. В итоге накапливался значительный научный потенциал. Тандем Кедров — Микулинский способствовал реформированию института и превращению его в один из ведущих центров гуманитарно-философской научной мысли. О крепости союза двух ученых свидетельствует одновременное их выдвижение в 1966 г. в члены РАН: Кедров был избран академиком в тот же год, Микулинский стал членом-корреспондентом два года спустя. За время их совместной деятельности сложилась оптимальная и успешная дирекция: Кедров был свободен в своих исследованиях, олицетворяя, представляя и защищая институт, Микулинский выполнял реальное оперативное руководство, инициируя оригинальные

и перспективные направления развития института.

В продолжение темы Н. И. Кузнецова (ИИЕТ РАН) согласилась с определением эпохи Кедрова — Микулинского как важного периода для института. Она проанализировала проекты, которые задумывал и претворял в жизнь Кедров. Опираясь на статью В. Н. Садовского⁶, Кузнецова заметила, что следовало бы написать в ответ статью «Б. М. Кедров и отечественное философское сообщество». В 1960—1970-е гг. институт приобрел уникальное место в интеллектуальном комьюнити страны. В деятельности Кедрова можно выделить организационный талант в научной сфере, творческие достижения, направления деятельности, инициатором которых он выступал. Под руководством Кедрова институт достиг вершины организационного развития путем создания трех важнейших направлений исследований: отдел истории естествознания, в котором были представлены все фундаментальные науки, отдел истории техники и технических наук, отдел науковедения. Новые направления касались разворота традиционных историко-научных тем в сторону исследования всемирной истории естествознания, контекста формирования и развития науки, роли истории и исторических методов в исследованиях науки (историзация науки). Историк науки сидит на трех стульях, что представляет собой эпистемологическую проблему: первый — предметная наука, второй — историческая методология и история, третий — философия (гносеология).

⁶ Садовский В. Н. Б. М. Кедров и международное философское сообщество // Вопросы философии. 1994. № 4.

В ИИЕТ АН СССР были сформированы условия, позволяющие объединить все три направления.

Выступивший следом А. Н. Родный (ИИЕТ РАН) определил Б. М. Кедрова как «человека, сформировавшего научный социум». Трудно назвать кого-либо из советской научной номенклатуры, сумевшего проявить себя в таком широком диапазоне деятельности, как академик Кедров. Только по характеристике «официальных и юбилейных публикаций» он признается философом, логиком, историком, методологом науки, химиком, психологом, науковедом, организатором и популяризатором науки. Обладая широким шагом профессиональной мобильности, он не только внес значительный вклад в развитие отдельных научных направлений, но и создал в СССР (несмотря на жесткие идеологические рамки) «живой» научный социум из представителей естественно-научных, технических и социогуманитарных наук. Плацдармом для него стал ИИЕТ АН СССР, где с 1962 по 1974 г. Кедров был директором, а затем до 1985 г. возглавлял сектор истории науки и логики.

Еще в молодости у Кедрова проявились черты лидера науки. Этому способствовала его врожденная одаренность к познанию (блестящая память и способность самостоятельно обучаться), а также природная пассивность, усиленная революционным социумом. Эти качества с молодости были укреплены сформировавшимся мировоззрением, в котором наука являлась главной движущей силой преобразований общества, первым успешным опытом экспериментальных исследований под руководством и влиянием

крупных ученых и смелостью, помноженной на желание решать сложные фундаментальные проблемы, требующие междисциплинарного подхода. О последней черте характера ученого можно судить по его первой научной публикации «Парадокс Гиббса как результат “сведения” закона Дальтона», напечатанной в журнале «Естествознание и марксизм» в № 4 за 1929 г., где он предлагал подход к решению фундаментальной проблемы естествознания, которая до настоящего времени остается дискуссионной для исследователей из разных областей знания. Неудивительно, что статью молодого ученого в этом номере журнала поместили рядом с такими авторами, как М. Планк («Картина мира новой физики»), Е. Финкельштейн («Возникновение и развитие естественной смерти»), Н. Дубинин («Генетика и неоламаркизм»), В. Рейх («Психоанализ как естественнонаучная дисциплина») и Ф. Франкль («Московская топологическая школа»).

Однако не только новые идеи и их теоретическое осмысление позволили Кедрову создать междисциплинарный научный социум, но и его конкретные смелые поступки. В первую очередь он не боялся в условиях идеологического прессинга на свой страх и риск принимать на работу в институт сотрудников с «антисоветской» репутацией у власти. Благодаря чему в институте появилась блестящая плеяда ученых-гуманитариев, что дало возможность вывести историко-научные и науковедческие исследования на новые уровни междисциплинарного и трансдисциплинарного бытия.

Проблема когнитивного поворота в гуманитарных и социальных науках

была рассмотрена В. Ф. Спиридоновым (РАНХиГС). По его мнению, психология как традиционное место сборки различных форм знания и традиций исследования (номотетических и идеографических методов и соответствующих им наук) часто и незаслуженно занимает центральное место в классификациях наук или представлениях об их связях между собой (например, у Ж. Пиаже и Б. М. Кедрова). Любопытно в этой связи рассмотреть такой объединительный проект, которым была или казалась когнитивная наука. Это весьма специфическая область знания, возникшая в середине 1950-х гг. (в чем психология сыграла важную роль), старательно преодолевала межпредметную разобщенность, выдвигая на первый план строгие методы изучения единого предмета — символьную ментальную репрезентацию, которая лежит в основании человеческого мышления и поведения. Участники этой попытки объединения (когнитивная лингвистика, нейронаука, когнитивная психология, искусственный интеллект, философия сознания, антропология) явно декларировали курс на преодоление языковых и «когнитивных» различий конкретных наук. По крайней мере это делала часть их полномочных представителей. Предметная и методическая разобщенность (специализация) областей знания стала предметом анализа и критики. Всерьез обсуждался вопрос о том, как из разнородных когнитивных наук построить единую когнитивную науку.

Спиридонов предлагает оценить предпринятую попытку как неудачную. Несмотря на большое количество интересных теоретических идей

(например, различение когнитивных и метакогнитивных процессов, процедурное описание познания и т. д.), проект большого объединения не состоялся. Любопытно сравнить этот проект со структуриализмом, общей теорией систем, кибернетикой, эвристикой – наукой о творческом мышлении. Эти проекты постигла та же участь. Возможно, это занятая тема для историков науки.

Вопрос о сохранении памяти о Кедрове был поднят С. Я. Чернавским (ЦЭМИ РАН). По его мнению, существенно значимой является задача сохранения архива ученого, который представлен объемными материалами: работы ученого насчитывают 1423 документа, 780 статей и примерно 40 монографий. Чтобы систематизировать и проанализировать архив, который сохранился у родственников, потребуются большая работа. В творчестве Кедрова, ссылаясь на его собственные определения, можно выделить пять направлений: теоретические проблемы материалистической диалектики, проблемы взаимосвязи и классификации синтеза наук, философские вопросы естествознания и истории, методологические вопросы химии и физики. Оценивая спектр философско-научной проблематики, которой занимался Кедров, реконструкция личности ученых возможна через синтез сферы науки и истории в контексте времени.

Отмечая рост исследований процессов внедрения различных практик междисциплинарности, А. В. Тупаев (ЮФУ) обратил внимание на то, что одним из них является искусственный интеллект и это ставит ряд задач перед историей и философией науки. Прежде всего необходимо ответить

на вопрос: не трансформируется ли на данном этапе истории и философии науки их роль в анализе и осмыслении междисциплинарных исследований? Как показали предыдущие докладчики, под руководством Кедрова – Микулинского ИИЕТ АН СССР занял прочные позиции именно в области междисциплинарности, сформировав блок науковедения. А как обстоят дела с позиционированием философии и истории науки в современной системе научных исследований? В разработке темы искусственного интеллекта преимущественно задействованы естественные и точные науки. Гуманитарные науки находятся на периферии и вынуждены доказывать свою значимость в исследовательском процессе. Это приводит к возникновению множества интеллектуальных мод и коллаборации наук по принципам, продиктованным грантовой политикой. Как сегодня проявляются традиции классической междисциплинарности, заложенные ИИЕТ АН СССР? Важно сформировать принципы междисциплинарности не с позиции банальной совокупности исследовательских дисциплин, а развивать детальное взаимодействие, не вынуждая ученых-гуманитариев доказывать необходимость своего участия в междисциплинарных исследованиях.

Свою точку зрения представил В. П. Макаренко (ЮФУ), который считает, что эмпирическое изучение трудов отечественных философов второй половины XX в. позволяет поставить общую проблему о соотношении истины и пропаганды в философско-гуманитарном знании. Он остановился на работах М. К. Петрова, который один из всех ростовских философов советского

времени удостоился чести посвящения ему монографии в серии «Философы России второй половины XX века». Ученым было сформулировано множество продуктивных идей для обсуждения данной проблемы — концепты научно-технической контрреволюции, социокода, социальной инерции, когнитивной рутины. Все они позволяют связать сферу и проблематику историко-научных и историко-методологических исследований, наиболее развитых в советской философии и не потерявших своего значения до сих пор, с анализом философско-политической проблематики — самого идеологизированного и отсталого участка советской философии.

Выступающий отметил, что классическая работа Х. Арендт «Истина и политика» позволяет сформулировать общий вопрос: как создать и культивировать интеллектуальный противовес власти в системе всеобщей лжи? Из истории политической мысли вытекает аксиома: проблему истины надо рассматривать в конфронтации с политикой. Из данной аксиомы Арендт извлекла ряд следствий: природа политики — отрицание или извращение любых истин; свобода мнения — фарс, если не дается адекватная информация о фактах, а факты остаются предметом спора; право каждого поколения писать собственную историю не дает права прикасаться к фактическому материалу; групповые, общественные и государственные интересы противостоят истине. Эти аксиомы образуют исходный пункт концепта интеллектуального противовеса власти, в состав которого Арендт включила постулат: организованная ложь — внутреннее свойство

политики, поскольку она претендует на преобразование мира. Данный постулат подкреплен множеством аргументов, который завершается констатацией — государственная пропаганда есть система организованной лжи как главная угроза миру фактов. Отсюда вытекает, что необходимо установить специфику проявления перечисленных положений во внутренней структуре дисциплинарного знания (включая историю и философию науки) и его связей с политикой. Современная социология незнания позволяет дать первый очерк исследовательского поля. А когнитивная практика советских философов, включая Кедрова, образует эмпирический материал для наполнения множества клеток в этом поле.

Подводя итоги заседания, В. Н. Порус (НИУ ВШЭ) сказал, что в истории философии бывает так, что масштаб того или иного мыслителя измеряется не количеством написанных страниц и даже не столько идеями, предложенными или обоснованными им, сколько самой его жизнью как чередой действий, благодаря которым происходит развитие философии или останавливается вынужденный регресс — сползание на уровень бесплодного умствования или институциональной деградации. Кедров оставил множество трудов по истории и философии науки, их и сегодня читают без пиетета, но с внимательным интересом, находя в них то, что перешло за рамки времени, когда они были созданы, и сохранило значимость в наши дни. Но главная заслуга ученого в том, что он был одним из первых в той когорте мыслителей, которые смогли вытащить отечественную философию

из зоны катастрофы, в какой она очутилась по известным историческим причинам, создать предпосылки для восстановления ее связей с наукой и культурой, разрушенных или искаженных погромами и мракобесными кампаниями, вернуть ее в контекст мирового развития.

Этот контекст и сегодня противоречив, в нем вызревают новые кризисы и катастрофы, хотя их формы уже не те, что в недалеком прошлом. Они выглядят респектабельно, их даже принимают за ростки будущих успехов. Наукообразие выдается за близость к науке, политическая услужливость — за осмысление политической реальности, патологоанатомическое исследование языка философии — за условие его жизненности. Философии предлагается оставить поле высоких абстракций и заняться каким-нибудь практическим делом, вроде обучения правилам удобной этики и приемлемого, т. е. рационального поведения в различных жизненных ситуациях (привет античным

софистам от нынешних поколений!). Философия постепенно, но неуклонно вытесняется из высшего образования ввиду ее бесполезности для профессиональной карьеры, а профессия философа становится недоумением в век сплошной цифровизации и торжества самодовольного прагматизма. Впрочем, и философию призывают цифровизироваться, чтобы поспевать за главными трендами эпохи (или хотя бы имитировать погоню за ними). Из центра культурного строительства философия перемещается на глубокую периферию, где ей отводится сфера салонного умничанья, скрашивающего досуг интеллектуалов. Сегодня явно не хватает людей масштаба Бонифатия Михайловича Кедрова, способных возглавить и осуществить прорыв из прозябания к творчеству, которое позволило бы философии вновь занять подобающее место в культуре. Возможен ли такой прорыв? История рано или поздно ответит на этот вопрос.